

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Исследуются модернизационные процессы в России второй четверти XVIII в., связанные с деятельностью Петербургской Академии наук. Автор показывает, что западные учёные, из которых главным образом состояла тогда русская академия, явились зачинателями демократических традиций в России. В частности, они впервые поставили перед русским обществом вопросы о самоуправлении Академии, ликвидации бюрократических институтов, социальных гарантий для служащих, приведении академических подразделений в соответствие с требованиями прогресса.

**Ключевые слова:** модернизация российского общества; Петербургская Академия наук; корпоративное движение ученых.

В 1724 г. в Европе появился новый научный центр – Петербургская Академия наук. Основывая Академию и приглашая иностранцев, ставших её первыми членами, Пётр I и его сподвижники надеялись решить важную государственную задачу – произвести научно-техническую модернизацию страны и подготовить для этой цели отечественных учёных. Последствия, однако, превзошли ожидания. Иностранные учёные, прибывавшие с Запада, везли с собой не только знания, но и западные образцы организации общественной жизни. Включение России в общеевропейский научный процесс (хронологически совпавшее со второй четвертью XVIII в.) не было простым. Страна находилась на периферии европейской цивилизации. Социально-экономические процессы протекали в ней медленнее, чем в остальной Европе, а культурный прогресс значительно отставал от передовых стран. Европейские фасады зданий, покрои платья, манеры общения, появившиеся в годы петровских реформ, не могли скрыть общей отсталости России, обнаруживавшейся во всех областях. Главным препятствием были общественные отношения, покоившиеся на несвободном труде.

В России, потратившей много сил на освобождение от иноземных вторжений, собиравшей русские земли и государственное обустройство, гражданские традиции Средневековья были основательно затоптаны и изгнаны из общественной жизни. Самодержавие – огромный бюрократический аппарат, лежавший в основании российского общества, – получило в XVIII в. дальнейшее развитие. Задуманная как часть петровских реформ Академия наук не осталась в стороне от этого процесса. В ней также стали насаждаться порядки, господствовавшие во всей тогдашней России. Сначала появился назначенный двором президент, затем – Канцелярия и чиновники. Научное учреждение, в котором иностранцев было больше, чем в других государственных учреждениях Российской империи, фактически перестало отличаться от прочих. Бюрократическая «Табель о рангах», бюрократическая система отношений, бюрократический произвол – всё получило в ней место и «прописку».

Сформировавшиеся в иной социальной среде, воспитанные иными общественными отношениями первые члены Петербургской Академии наук, западные учёные, не захотели мириться с порядками, которые им навязывались. Требования, которые они предъявили правительству России вскоре после приезда, касались самоуправления Академии и прав учёных как ино-

странцев [1. С. 191–194]. Протест, однако, не был принят, и борьба перешла в затяжную фазу. В продолжение 20 лет – с 1728 по 1747 г. – учёные не оставляли попыток склонить чашу весов в свою пользу – добиться самоуправления. Правительство не обращало внимания на демарши, пока в 1745 г. копившееся недовольство не привело к открытому неповиновению.

Спустя двадцать лет после основания Академия оказалась на грани развала. Учёным не выплачивалось жалованье, их права попирались. Оставшаяся без президента (которого она потеряла вместе с падением регента Бирона) Академия оказалась во власти лиц, науку откровенно презиравших. Иностранцы и русские, которые разделяли их взгляды на остерейшие национальные противоречия, объединились против бюрократии и бюрократического произвола. Они потребовали реформы Академии – предоставления самоуправления, ликвидации бюрократических институтов, социальных гарантий для служащих, приведения академических подразделений в соответствие с требованиями прогресса. В программном документе движения, декабрьском «отчёте» 1745 г., были высказаны идеи, далеко опережавшие время [Там же. С. 320–351].

Попытка утвердить демократические начала в российской науке окончилась, однако, неудачей. Поддерживаемая двором и правительством академическая бюрократия одержала победу. Учёные должны были оставить мечты о самоуправлении. Часть из них – Ж.-Н. Делиль, И.-Г. Гмелин, И.-Г. Сигезбек, Х. Крузиус, П.-Л. Леруа – покинули Россию; другие – В.К. Тредиаковский, Я. Штелин – были деморализованы и навсегда оставили мысль о самоуправлении; третьи – Г.-Ф. Миллер, Х.-Н. Винсгейм, М.В. Ломоносов, Г.-В. Рихман – отступили перед торжествующей реакцией и обратились к профессиональным занятиям. Один из участников движения, Иосия Вейтбрехт, скончался в разгар гонений [Там же. С. 381–446]. Закрылась яркая страница в истории российской и европейской науки. Учёные явили миру впечатляющий пример борьбы за гражданские права.

Борьба не выходила за пределы науки и не затрагивала основ российского общества. Всё, что требовали участники движения, касалось учёных и их прав. Однако это не умаляет значения этой борьбы как исторического феномена. Она открывает эпоху корпоративных движений в Европе. Во главе движения стояли западноевропейские учёные; русские учёные играли в нём второстепенную роль. Отправляясь в Россию, западные

учёные не намеревались участвовать в политике. Они ехали с надеждой обрести работу, которой были лишены на родине, и устроить свою личную жизнь. Однако обстоятельства, с которыми они столкнулись, заставили их изменить жизненные планы и обратиться к деятельности, далёкой от науки. Борьба за социальные права учёных стала неотъемлемой частью их жизни в России.

Учёные не были радикалами в современном значении этого слова. В социальном плане они вели жизнь, мало отличавшуюся от жизни других слоёв общества. Однако в них жило – и в этом заключалась их особенность – сознание важности науки как социального института, выражавшееся в стремлении к свободе, независимости, к тем или иным формам социальной автономии. Поэтому корпоративные идеалы (совпадавшие с демократическими), дремавшие во времена стабильности, пробуждались во времена кризисов. Тогда из слуг бюрократии, каковыми они в действительности являлись, учёные превращались в её противников. Они были и слугами, и противниками власти одновременно.

Борьба не была последовательной, свободной от ошибок. Нередко учёные удовлетворялись малым, забывая о главном – идеале, которому следовали. Так было в начале 1730-х гг., когда встал вопрос о «художествах»; так было в кризисные 1740-е гг., когда встал вопрос о восстановлении власти директора академической Канцелярии Шумахера; так было в непростые 1744–1745 гг., когда встал вопрос о продолжении борьбы с бюрократией. Однако не проявления непоследовательности составляют главный итог борьбы учёных с российской бюрократией. Они провозгласили и пронесли через десятилетия идею самоуправления науки, защитили право науки и её представителей на свободу от бюрократического вмешательства – будь то высшие государственные инстанции или ближе стоявшая к ним академическая Канцелярия. Они выступили защитниками идеи социальной автономии науки и научных обществ, показали российскому обществу пример борьбы за гражданские права, научили его не бояться государства и его институтов. Эта заслуга иностранных учёных (которую они должны разделить с русскими учёными) навсегда останется их вкладом в российскую историю. Они должны быть признаны *зачинателями демократических традиций в России*.

Борьба с академической бюрократией, составлявшая главное содержание деятельности иностранных учёных, не была делом только Академии. Она охватывала более широкое социальное поле. Помимо учёных и других служащих Академии, в неё были вовлечены двор, Сенат, столичное (главным образом) дворянство, разночинный Петербург. Участниками его были не только иностранные и русские учёные – главная сила движения, но и, что особенно важно, многочисленные академические «низы», которых насчитывалось около трёхсот человек [2. С. 4–11; 3. С. 9]. Свидетелями (правда, косвенными) борьбы петербургских учёных являлись зарубежные учёные. Поскольку академическая Канцелярия, против которой были направлены действия участников движения, являлась одним из звеньев государственного аппарата, то борьба с ней активно приобретала характер борьбы против чинов-

ничье-бюрократического устройства самодержавной России. Однако это последнее едва ли осознавалось как цель.

То, что движение учёных возникло в России, а не в какой-либо другой европейской стране, не было случайным. Конечно, проявления деспотизма можно обнаружить и в истории западной науки, например немецкой времён Фридриха-Вильгельма I [4. С. 689–694; 5. С. 393–398; 6. С. 153–154]. Однако даже в правление этого «фельдфебеля на троне», как его именуют в исторической литературе, не наблюдалось такого грубого и систематического нарушения прав учёных, как в России времён «верховников», Анны или Елизаветы. Профессора не вступали в противоречие с истиной, когда утверждали, что такого обращения с учёными, которое утвердилось в России, «во всём свете не найдётся в обыкновении» [2. С. 646]. Насколько они превосходили российских чиновников в отношении образованности, знаний, наконец, просто общественной полезности, настолько они уступали им по части материальной обеспеченности, общественного положения и социальных прав. Их борьба, стало быть, была реакцией на тот произвол, с которым они столкнулись в России и который отсутствовал на Западе.

Участники движения, учёные Петербургской Академии наук, имели важное преимущество перед другими слоями русского общества, объективно противостоявшими господствующему сословию, – иностранное подданство. По окончании срока контрактов они имели право покинуть Россию, что, несомненно, придавало дополнительную смелость их действиям. За ними – об этом также не следует забывать – стояло общественное мнение Запада. Наконец, в Петербургской Академии имелись такие необходимые для всякого социального движения предпосылки, как общность социальных позиций и взглядов участников, а также наличие общей конечной цели – самоуправление.

Конечно, петербургские учёные не представляли монолитной силы. Не говоря уже о естественном обновлении их рядов – одни приезжали в Петербург, другие покидали его, они подвергались активному и с течением времени возрастающему давлению со стороны правительства, естественно, колебались, отходили от борьбы, иногда навсегда. Показательна в этом отношении судьба Г.-Ф. Миллера – человека, несомненно, демократических взглядов, игравшего в академических событиях 1745–1747 гг. роль одного из лидеров, однако вынужденного скрывать свои убеждения и приспосабливаться к среде [7. С. 61–70]. Всё это, разумеется, необходимо учитывать, когда имеешь дело с таким сложным и противоречивым явлением, как движение петербургских учёных. Однако, несмотря на колебания и непоследовательность, которые вносила в их действия политика правящих кругов, они никогда не забывали об общности своих интересов, каковым, в частности, являлся вопрос об академическом управлении. Именно благодаря солидарности действий им удалось совершить то, чего другие слои русского общества сделать не могли – *положить начало борьбе за гражданское переустройство России*.

Учёные показали себя верными и последовательными проводниками идей Петра I. В то время, когда о

самом реформаторе старались не вспоминать, а значение сделанного им – откровенно принизить, они смело и настойчиво добивались осуществления его замыслов. Все наши помыслы «ни к чему иному не склоняются, [как] токмо к сущей пользе академии и ко исполнению намерения и надежды, которые блаженной и вечнодостойной памяти император Пётр Великий о[б] академии имел», – заявляли они в петициях, адресованных правительству, в продолжение двадцати лет после смерти монарха [2. С. 504].

Учёные Петербургской Академии наук, таким образом, будили общественную жизнь России, *не давая забыть о «славном времени» – эпохе великих ре-*

*форм – и самом реформаторе.* Имя Петра и его бессмертных деяний набатной нотой звучало в их выступлениях, направляя общественное сознание в гражданское русло (истоки гражданской истории России остаются, к сожалению, до сих пор неисследованными). Западные ученые *предложили российскому обществу немало оригинальных идей и проектов*, направленных на дальнейшую модернизацию его различных сторон. Они, наконец, активно *включились в практическую борьбу за интересы российской науки, положив начало эпохе корпоративных демократических преобразований.*

## ЛИТЕРАТУРА

1. Турнаев В.И. Между властью и обществом. Социальная история Петербургской Академии наук 1720–1740-х гг. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2012. 680 с.
2. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1885–1900. Т. 7.
3. Бернер В.И. История С.-Петербургской Академии наук в «Письме» Г.-А. Гёя 1741 г. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. 10 с.
4. Deutsche Geschichte in drei Bänden / Hrsg. v. H.-J. Bartmuss u. a. Brl. : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1965. Bd. 1 : Von den Anfängen bis 1789. / Hrsg. v. H.-J. Bartmuss u. a. 775 S.
5. Deutsche Geschichte: In zwölf Bänden / Hrsg. vom Zentralist. für Geschichte der Akad. der Wiss. der DDR; Herausgeberkollegium: Bartel H. (Leiter) u. a. Brl. : Deutsche Verlag der Wissenschaften, 1983. Bd. 3: Die Epoche des Übergangs von Feudalismus zum Kapitalismus von den siebziger Jahren des 15. Jahrhunderts bis 1789.; Brl.: Deutsche Verlag der Wissenschaften, 1984. 592 S.
6. Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий (середина XVII – середина XVIII в.). Л. : Наука, 1974. 267 с.
7. Турнаев В.И. Г.-Ф. Миллер и корпоративное движение в Петербургской Академии наук // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2011. № 4 (16). С. 61–70.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 марта 2013 г.